

Публикации аспирантов

УДК 82-7:316.3

Верховых И.А.

САТИРИЧЕСКИЙ ПАНОПТИКУМ НИКОЛАЯ НИКАНДРОВА*

«Выпустить новое, «улучшенное издание человека – это и есть дальнейшая задача коммунизма... Человек взглянет на себя как на сырой материал или, в лучшем случае, на полуфабрикат и скажет: «Добрался, наконец, до тебя, многоуважаемый homo sapiens, теперь возьму я тебя, любезный, в работу».

Лев Троцкий.

Аннотация. В статье исследуются этапы нравственной деградации образа «гомо советикус» в произведениях писателя-сатирика Н. Никандрова 1916-1935 гг.

Ключевые слова: гомо советикус, социальная роль, «темные инстинкты толпы», деградация.

Октябрьский переворот нарушил естественное течение истории. Директивное воздействие на сознание людей имело определенных успех, повлияло на менталитет советского человека. Персонаж, на которого это влияние оказалось самым серьезным, в литературных и исторических работах получил название «гомо советикус». Для Николая Никандрова [1] гомо советикус стал главным литературным персонажем произведений этого периода.

В революционную Россию Н. Никандров вошел зрелым писателем. За его плечами были годы сотрудничества в журналах «Мир божий», «Современный мир», «Летопись» и др. Он участвовал в сборниках «Знание». Н. Никандров прошел тюрьмы и ссылку за активную антиправительственную деятельность, годы тяжелого существования на нелегальном положении, эмиграции и возвращения в Россию. Новая действительность ужасала его с каждым днем. С 1917 года для писателя настало время скитаний. В годы гражданской войны, чтобы не умереть от голода, Н. Никандров работал грузчиком, виноградарем, рыбаком. Он не мог найти себя в изящной словесности. Трудовая жизнь помогла ему наблюдать все происходящее на Родине изнутри. То, что он видел, казалось ему жутким, неприемлемым для здравомыслящего человека.

* © Верховых И.А.

Первые персонажи Н. Никандрова – это неразмысляющая масса людей, одурманенная идеей создания общества всеобщего благоденствия. Важной мыслью официальной идеологии стала мысль о том, что только вооруженные революционными идеями массы творят историю. Свое скептическое отношение к этому процессу Н. Никандров выразил в таких, например, ярких рассказах, как «На Часоенной улице» (1916), «Катаклизма» (1917), «Все подробности» (1917). Писателю важно было показать, что массы убивают в себе все живое, перечеркивают историческое прошлое. Это авторское видение несут персонажи автора, оказавшиеся в абсурдных условиях жизни. Новые формы бытия потребовали от них взять на себя иную социальную роль.

В первые пореволюционные годы причины превращения людей в гомо советикус Н. Никандров видит в низком уровне культуры. Красноречиво высказывание одного из прохожих рассказа «На Часоенной улице», которое автор облакает в форму выкрика: «Чего нам скажут, мы тому и верим! Самый темный класс!». Несомненно, в рассматриваемую эпоху был задуман скачок в духовном развитии человека. Однако Н. Никандров понимает, что стать культурным человеком можно, пройдя этапы эволюции. Он отображает анекдотичность соединения желаемого и возможного. Покупатель рассказа «На Часоенной улице» спрашивает у книгоноши «понятливую книжку» «потолстее». Другой возмущается, почему книга «начинается с третьей страницы» и требует ее «сменить».

Н. Никандров раньше других спрогнозировал явление, которое получило свое развитие годы спустя. Теоретик литературы Осип Брик назвал его «хождением народа

в интеллигенцию» и признал «весьма опасным». В 1929 году в статье «Ближе к факту» О. Брик писал: «Достаточно какому-нибудь рабочему от станка или крестьянину от сохи попасть в литературную среду, как он немедленно начинает превращаться в исконно русского интеллигента» [2, с. 232]. Персонажи Н. Никандрова пытаются соответствовать требованиям и духу времени. Они пренебрегают своим низким социальным статусом и еще более низким уровнем культуры. Сын токаря Данила из повести «Проклятые зажигалки» (1926) «за четыре года советской власти чуть-чуть не сделался сперва знаменитым певцом, таким, как Собинов, потом известным писателем, таким, как Максим Горький <...>». Малограмотный гомо советикус Н. Никандрова ослеплен идеей, что пригоден для социалистического строительства. Он фанат идеи, сущность которой для него остается темной. В конце 20-х годов страна пожинала плоды такого фанатизма. Даже сами идеологи новой политики культурного строительства вынуждены были признавать ее провалы. Видный деятель «левого искусства» Сергей Третьяков с возмущением писал: «Недопустимо и отвратительно, что у нас в литорганизациях СССР 12000 (двенадцать тысяч) поэтов и беллетристов, а нашим газетам не хватает грамотных очеркистов и репортеров» [12, с. 235].

Н. Никандров показывает, как просто и опасно внедрить в сознание непросвещенных масс готовые стереотипы классовой непримиримости, коллективизма. На эту тему он пишет рассказы «Катаклизма», «Все подробности». В них показано, как личность человека растворяется в толпе, теряет свою индивидуальность. Страшен никандровский гомо советикус. Он не признает личной ответственности за содеянное и прикрывается ответственностью коллективной. Ради дурно понятой идеи коллективизма он способен на убийство ни в чем не повинного человека.

В 1917 году Н. Никандров наблюдал то, о чем годом позже напишет Максим Горький: в «кровавой бессмысленной бойне» революции действуют «темные инстинкты толпы», охваченной «звериной глупостью» [4, с. 51]. Спустя несколько лет после Октябрьского переворота о бездуховном начале большевизма заговорят эмигранты. Знаменитый русский мыслитель и философ Иван Ильин, высланный из советской России в 1922 году, назвал большевизм «разложением духа и разнузданием алчности в человеческой душе» [5, с. 81]. Н. Никандров понимает, что большой «обработке» легче всего поддаются люди низ-

ших сословий. Сатирик иллюстрирует то, что впоследствии выразил активный противник большевистского режима И. Ильин. Философ писал: «Большевицкое настроение всегда живет в нравственных низах общества <...>. В душе, заболевшей большевизмом, смолкают все духовные побуждения: правосознание, патриотизм, чувство чести, долг, совесть и вера» [5, с. 81].

Никандровский гомо советикус не понимает, что впитывает не «верхнюю» культуру, а «отходы» «верхней» культуры. От этого он кажется читателю жалким. Чтобы ярко проявилась околесица толпы, «культурные» мероприятия в рассказах «Катаклизма» и «Все подробности» Н. Никандров переносит к памятнику А.С. Пушкину. Для обозначения диссонанса в сложившейся ситуации писатель сравнивает памятник великому поэту с «торчащей из воды мачтой корабля», а толпу людей – с карабкающимися на нее «утопающими». Вот «утопающие» осваивают революционную лексику, «яростно состязаются <...> в красноречии». Ораторы произносят «энергичные, хлесткие, эффективные на вид слова», не заботясь об их значении. В едином потоке смешивается политическая и научная терминология: «аннексия», «федерализм», «референдум», «дуализм», «сакраментальный», «маразм»... Очень эффектно название рассказа «Катаклизма». Писатель намеренно взял неправильно употребленное кем-то из митингующих слово «катаклизм».

Известно, что в годы советской власти массам внушалось, что все в стране делается ради них. Н. Никандров демонстрирует ложность этого внушения. Его гомо советикус кажется, что он управляет ситуацией, тогда как, напротив, ситуация управляет им. С человеком в рассказах Н. Никандрова происходит то, что очень точно охарактеризовал И. Ильин несколько лет спустя. Речь идет о подавлении большевизмом «инициативы» и «духовного самоуправления» свободного человека. «Человек есть для большевика материальный атом, покорная машина или раб» [5, с. 81], – полагает И. Ильин. Н. Никандров показывает, как гомо советикус, оказавшись в толпе, деперсонифицируется, становится неодушевленным организмом. Этот сатирический паноптикум писатель называет по-разному: «масса», «кучка», «море»... Выражением «сплошное море черных картузов», в котором наряду с метафорой использован такой вид метонимии, как синекдоха, автор подчеркивает одномерность своих персонажей, полную потерю ими индивидуальности.

Впоследствии кожаный картуз станет неотъемлемым атрибутом любого гомо советикус. Подобным тропом для изображения большевиков спустя четыре года воспользуется Борис Пильняк в романе «Голый год» (1921).

С годами Н. Никандров стал понимать, что причины обезличивания людей, приобретения ими «коллективной души» лежат гораздо глубже. Утрату собственного «я» переживают у него люди разных возрастов, профессий, образования, социального положения. В повести «Профессор Серебряков» (1924) таковым становится профессор. Степан Матвеевич Серебряков – человек науки. Он жил уединенно, «нигде не служил, ничем не торговал». Вот, казалось бы, кому уж точно не стать гомо советикус! Но в жизни профессора происходит событие, заставившее его пересмотреть свои прежние взгляды. Обычная «Охранная Грамота» от власти способствовала превращению интеллигентного человека в марионетку и потере человеческого достоинства взамен сытому желудку.

Эту тему Н. Никандров продолжает в повести «Любовь Ксении Дмитриевны» (1925). И здесь происходит преобразование, точнее, падение человека. Мимикрию переживает дворянин, инженер Геннадий Павлович, который «вдруг вообразил» себя «новым человеком», «созвучным эпохе».

Н. Никандров обладал мастерством психологического анализа, умением передать внутренний мир человека, если он превратился в гомо советикус. В повести «Рынок любви» (1924) и романе «Путь к женщине» (1928) писатель проникает «в заповедные уголки человеческой психологии» [11, с. 255]. Двух персонажей этих произведений объединяет потребительское отношение к женщине. Бухгалтер Шурыгин из первого произведения покупает женскую любовь за катушки ниток и подошвенную кожу. Беллетрист Никита Шибалин из второго произведения приходит к теории, которую может выдумать лишь гомо советикус. Согласно этой теории все люди делятся на «знакомых» и «незнакомых», а «каждая брачная связь двух человек на земле» является «недоразумением, ошибкой, за которую в течение всей своей жизни расплачиваются обе стороны – и мужчина, и женщина».

«Новая, упрощенная, архисвободная теория» преподносится как «великая социальная идея», применить на практике которую «новому апостолу лучшей жизни» [6, с. 187] Шибалину удастся только среди проституток. Но там его ждет разочарование. За сво-

бодную любовь нужно платить, а его теория подобного не предусматривает. Если в процессе эволюции человек встал на ноги, то у беспощадного сатирика Никандрова беллетрист деградирует и становится на четвереньки. Гомо советикус Шибалин достиг крайней степени деградации.

Известно, что после революции культивировались идеи отмирания семьи, свободных интимных отношений и общинного воспитания детей. Массированный подрыв брака демонстрируют сюжеты произведений ряда писателей этого периода. В первые годы советской власти была распространена так называемая «теория стакана воды». Эта теория заключалась в отрицании любви и сведении отношений между мужчиной и женщиной к инстинктивной сексуальной потребности, удовлетворить которую было бы также просто, как выпить стакан воды. Одним из генераторов этих идей была Александра Коллонтай, считавшая, что дом и семью необходимо «революционизировать», а детей, рожденных в «свободной любви», отдать на воспитание государству. Отзвуки этих идей можно обнаружить в творчестве Владимира Маяковского, который в стихотворении «Любовь» категорично заявляет: «Я не за семью. В огне и дыме синем / выгори и этого старья кусок <...>». Подобные большевистские идеи точно охарактеризовал И. Ильин: «Любовь есть вредный предрассудок. Духовная культура есть буржуазный вздор и ложь. Хорошо то, что полезно большевицкой революции. Семья есть реакционная форма жизни; ее надо разрушить» [5, с. 81]. Очевидно, что роман «Путь к женщине» является реакцией Н. Никандрова на такого рода идеи. Упомянутый Геннадий Павлович выступает проводником всех большевистских новаций. Он знает наверняка, что «теперь, после Октябрьской революции, женщина берет нашего брата чем-то другим».

Очень выразителен и значим финал произведений сатирика Н. Никандрова. В финале гомо советикус терпит фиаско. Его вред становится очевидным для других персонажей и, естественно, для читателей. Он не перерождается, а лишь деградирует. По Н. Никандрову гомо советикус поражен болезнью. Это было очевидно даже для критиков, обвинявших писателя в пропаганде «антисоциальных сумасшедших идей» и «размножении типов глупых людей» [6, с. 187]. Критик В. Красильников писал: «Шибалин – ненормален, ему надо полечиться» [6, с. 187]. Другой критик Н. Н. констатировал: «Этому

писателю вообще не чужды болезненные мотивы <...>» [9, с. 98].

Н. Никандров показывает, что в гомо советикус просыпаются самые мрачные силы. Об этом много писали русские философы, в частности, Николай Бердяев. По его мнению, в большевизме «бесы выходят наружу и творят свою бесовскую оргию» [1, с. 6]. Эту болезнь новый человек понимает как свою положительную исключительность. Шибалин не раз слышит от женщин, что он сходит с ума, но считает, что «писатель, одержимый верой в мировое значение то одной своей идеи, то другой, не может не быть странным».

Гомо советикус Н. Никандро́ва претерпевает свое отрицательное развитие и в сочинениях второй половины 20-х годов. Он достигает предела падения. Автор использует различные приемы, чтобы подчеркнуть безжизненность и схематичность персонажей. «Шаблонные вы люди!» – выкрикивает поэт Антон Тихий из романа «Путь к женщине» в адрес собратьев по перу. Чтобы подчеркнуть эту «шаблонность», Н. Никандров выстраивает галерею персонажей со схожими именами: Антон Сладкий, Антон Кислый, Антон Кислосладкий, Антон Смелый, Антон Нелюдимый, Антон Печальный, Антон Неевший и т. п. Шаржированность этих «комических типов советских писателей и поэтов» [6, с. 187] очевидна. В романе писатель отразил изменение характера литературного процесса. В 20-х годах появилось множество групп, в которые входили представители разных слоев общества. Это тоже стало объектом сатиры Н. Никандро́ва. Автор высмеивает посредством аллюзии названия и обилие этих групп. Персонажи романа «Путь к женщине» входят в такие литературные кружки, как «Босой Пахарь», «Перевалило» (2), «Майский октябрь», «Октябрьский май», «Смена вех», «Мена всех».

К середине 30-х годов в государственно-хозяйственном механизме «возникли стереотипные ситуации, определенная типология отношений, сформировался догматический набор понятий <...>» [8, с. 26]. Меняется и объект сатиры Н. Никандро́ва. Писатель показывает, как ведет себя гомо советикус, ставший производственной единицей. В аллегоричном очерке «Зеленые лягушки» (1935) работники рыбозавода ради выполнения «промфинплана» готовы ловить лягушек для экспорта. В борьбе «за максимальную цифру лова» начальнику ничего не стоит заставить работников взять в руки сачки. Стереотипность мышления проявилась и у критиков,

посчитавших, что очерк Н. Никандро́ва является документальным отображением действительности.

Естественно, сочинения Н. Никандро́ва вызывали возмущение просоветской критики. Считали, что в них «полностью отсутствует советская современность» [7, с. 517], «явно и произвольно искажен быт», данный писателем «в неумелом гротеске» [10, с. 57]. Увидев внешнюю биологическую обрисовку персонажей, критики не смогли усмотреть социально-психологической проблематики прозы Н. Никандро́ва.

Каждую персону Н. Никандров по-своему проверяет на предмет пригодности к эпохе, касаясь вымышленного в те годы критерия «социального подбора» (3). В 1928 году историк литературы Дмитрий Горбов писал: «Наше время – время великих запросов <...>. Запросы, предъявляемые к личности обществом, заострены у нас предельно» [3, с. 201]. Вопрос о «сущем» и «должном», поставленный Д. Горбовым, Н. Никандров решает однозначно. «Нутро» гомо советикуса не готово к роли действующего лица истории. Писатель показывает несостоятельность нового человека в изменившихся условиях.

С годами Н. Никандров стал все острее ощущать трагедию Отечества. Писатель понимал, что численность гомо советикуса в просоветском пространстве будет только увеличиваться. Воспитанный на классической культуре, он был глубоко озабочен тем, что эта культура может уйти в прошлое. Эти страхи не могли разделять чиновники от искусства. Н. Никандров был обвинен в клевете на новый строй и вынужден был покинуть литературную арену.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Достаточно полное представление о творчестве Н. Никандро́ва дает недавно вышедшая книга его избранных произведений: Путь к женщине. Роман, повести, рассказы. – СПб., 2004.
2. В 1923 г. при первом советском «толстом» журнале «Красная новь» была образована литературная группа «Перевал». С журналом «Красная новь» сотрудничал Н. Никандров.
3. Интересные взгляды на проблему «социального подбора» высказывает В. Ермилов в своей книге: За живого человека в литературе. – М., 1928.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бердяев Н. Духовные основы русской революции. Опыты 1917-1918 гг. – СПб., 1998.
2. Брик О. Ближе к факту // Опыт неосознанного поражения. Модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А. Белая. – М., 2001.

3. Горбов Д.А. О злободневном (человек и его нутро) // Опыт неосознанного поражения. Модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А. Белая. – М., 2001.
4. Горький М. Несвоевременные мысли // Антология русской поэзии и прозы. XX век. В. 2 ч. Ч. 1. – М., 1994.
5. Ильин И. За национальную Россию. Манифест русского движения // Слово. – М., 1991. – № 6. – С. 80-85.
6. Красильников В. Библиография // Октябрь. – М., 1927. – № 8. – С. 187.
7. Лиров М. Недра. Кн. 6 // Печать и революция. – М., 1925. – № 5-6. – С. 517-518.
8. Михайлова М.В., Красицова Е.В. Вступ. ст. «Индивидуальность свою пишущий должен отстаивать – это и есть талант» // Путь к женщине. Роман, повести, рассказы. – СПб., 2004. – С. 3-27.
9. Н.Н. Библиография // На литературном посту. – М., 1927. – № 5-6. – С. 97-99.
10. Н.Н. Библиография // На литературном посту. – М., 1927. – № 13. – С. 57-58.
11. Перегудов А.А. На рассвете. Воспоминания о Н.Н. Никандрове // Новый мир. – М., 1980. – № 1. – С. 253-263.
12. Третьяков С.М. С Новым годом! С “Новым Лефом”! // Опыт неосознанного поражения. Модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А. Белая. – М., 2001.
13. Троцкий Л. Несколько слов о воспитании человека // Троцкий Л. Собр. соч. – Т. 21. – М., 1927.

I. Verkhovykh
THE SATIRIC WAX MUSEUM OF NIKOLAI NIKANDROV

Abstract. In the article are investigated the stages of the moral degradation of means “homo of sovetikus” in the works of writer-satirist N. Nikandrov 1917-1935 yr.

Key words: homo of sovetikus, the social role, «the dark instincts of the crowd», the degradation.

УДК 929 Поплавский

Галкина М.Ю.

НЕЗАВЕРШЕННАЯ ТРИЛОГИЯ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ КОМПОЗИЦИОННОГО ЗАМЫСЛА*

Аннотация. Рассмотренные в единстве романы «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес» дают возможность реконструировать замысел незавершенной трилогии Б. Поплавского. Поэтика заглавий, организация пространства, образы персонажей позволяют сделать вывод о том, что сюжетное развитие трилогии, направленное на инициацию героя путем его перевода в метаисторическое измерение, приводит к снятию оппозиции «земного» и «небесного» в художественном мире Б. Поплавского.

Ключевые слова: композиция трилогии, авторский замысел, художественный метод, поэтика заглавий, Апокалипсис и апокатасис, диалог.

Как известно, трилогия Б.Ю. Поплавского, которая должна была состоять из частей «Аполлон Безобразов», «Домой с небес» и «Апокалипсис Терезы», осталась незавершенной. По мнению Е. Менегельдо, над первым романом автор работал с 1926 по 1932 год. Л. Ливак конкретизирует эти даты. Свой первый роман Поплавский начал писать в конце 1927 года (о чем он сообщил в пись-

ме от 4 февраля 1928 года И. Зданевичу [1, 104]), а его замысел относится действительно к 1926 году, поскольку это время распада авангардистской группы «Через»: «Используя как модель повествовательные методы и символическую систему сюрреализма <...> Поплавский мифологизировал и поэтизировал жизнь “храброго народца”, которую он “с позором покинул”» [2, 199]. В самом деле, кораблекрушение в XXVIII главе романа, опубликованной в №5 «Чисел» (1931), вполне согласуется с идеей разложения эстетических форм и идеологических установок, которые писатель поддерживал в первой половине 1920-х гг. Однако время завершения романа, кажется, еще не установлено доподлинно. В 1931 году Поплавский, по всей видимости, еще не мыслил свое произведение в виде трилогии. Пустынный скалистый остров, на который попадают герои в первом варианте финала, символизировал бы их окончательную оторванность от мира, определял бы сюжетный предел и, соответственно, остановку динамической силы, художественно организующей образ каждого действующего лица. Только отказ от такого финала давал возможность создания романного комплекса.

* © Галкина М. Ю.